

— Маленькая золовка тоже не вернулась, почему ты её не подгоняешь? — пробормотала Линь Ли-ши. В душе она до крайности тяготилась своей свекровью.

Линь Чжоу-ши не расслышала её слов и продолжала что-то бормотать себе под нос.

В этот момент вернулась Линь Чжи'эр, обнимая полный таз белья. Увидев их, она с негодованием выпалила:

— Матушка! В такую холодрыгу стирать — это ли не самоистязание? Речная вода ледяная, мне все руки отморозило! Нет, так не пойдёт, я больше ни за что не пойду стирать. Уж лучше я пойду в горы хворост собирать.

Линь Ли-ши насмешливо ответила:

— Ой! А ведь это ты сегодня говорила, что собирать хворост тяжело, сама просилась стирать, вот тебе и уступили.

Она подошла ближе и порылась в деревянном тазу.

— Тц-тц-тц! Скажи-ка, четвёртая сестра, это что же, ты всего пару вещей постирала? Остальная-то куча нетронута. Выходит, ты пошла на реку только свои вещи приводить в порядок?

Оказалось, что из всей одежды семьи Линь Чжи'эр постирала только свою, а остальное принесла обратно в том же виде.

Лицо Линь Чжоу-ши изменилось, но у Линь Чжи'эр уже был готов ответ:

— Матушка, это не я не хочу стирать, посмотрите на мои руки — разве это руки для тяжёлой работы? Я ведь собираюсь выйти замуж в богатый дом, где у меня будут служанки. Если сейчас обморожу руки, они станут грубыми, что я буду делать, если муж потом меня возненавидит? Я всё же кое-что постирала, а остальное — пусть паренек Хуань выздоровеет и стирает.

Линь Ли-ши в стороне хмыкнула: ишь, размечталась о жизни со служанками. Замахнулась высоко, да только кто знает, что её ждёт? Жених ещё даже не на примете, а она уже такое говорит — не боится, что от ветра язык отсохнет? Впрочем, вслух она этого не произнесла.

Линь Чжоу-ши, увидев покрасневшие от холода руки Линь Чжи'эр, почувствовала жалость. А слова дочери, которые подтверждали их заветные планы, лишь убедили её в правильности решения:

— Ладно, ладно, не постирала и не надо, оставь... — она бросила взгляд на Линь Ли-ши, зная, что старшая невестка наверняка будет против, и добавила: — Оставь, пусть третья стирает.

— Но, матушка, отец ведь сказал, чтобы паренек Хуань отдыхал и поправлялся? К тому же, вы ведь уже договорились о замужестве для него? Как только он выйдет замуж, он станет

человеком из другой семьи. Неужели и тогда всё домашнее хозяйство будет на нём? — с ехидной улыбкой заметила Линь Ли-ши.

Линь Ли-ши топнула ногой:

— Здоровье у матушки ещё крепкое, с чего бы мне тут всем распоряжаться? К тому же, я прислуживаю отцу и матери, и слова против не скажу — это мой долг. Но в мире не сыскать такого правила, чтобы невестка прислуживала золовке! И ещё, четвёртая сестра, не говори потом, что я тебя не предупреждала: незамужней девице негоже каждый день твердить о свадьбе. Свой-то стерпят, а если услышат чужие люди, кто знает, какие сплетни пойдут о твоей бесстыдности.

Линь Чжи'эр покраснела от этих слов, хотела было огрызнуться, но Линь Чжоу-ши её одёрнула. Она яростно сверкнула глазами на Линь Ли-ши:

— Солнце уже садится, а вы всё препираетесь из-за пустяков! Не хотите ужинать?

Линь Чжи'эр не привыкла оставаться в долгу, и её ответ в один момент заставил Линь Ли-ши прикусить язык.

Поняв, что золовка метит в неё, Линь Чжи'эр фыркнула:

— Это тоже не моё дело. Я рано или поздно выйду замуж. По логике вещей, матушка уже в возрасте, вот кому как не невестке взять на себя ведение дома?

В это время Линь Хуань внимательно прислушивался к происходящему. Похоже, Линь Ли-ши и Линь Чжи'эр были как кошка с собакой, и он мог бы извлечь из этого выгоду, сыграв на их противоречиях. Воспоминаний прежнего владельца тела было недостаточно для полного понимания ситуации, поэтому многое Линь Хуаню приходилось постигать самому.

Когда Старец Линь и остальные вернулись, они ещё издалека услышали громкий плач и причитания, доносящиеся из их двора. У ворот толпились соседи, заглядывая внутрь и о чём-то перешёптываясь. Старец Линь нахмурился: что опять стряслось? Почему им никак не дадут пожить спокойно?

Один из деревенских жителей, заметив его, поспешил сказать:

— Старец Линь, у вас в доме побывали воры, поспешите взглянуть!

У старца ёкнуло сердце: воры? Что у них вообще можно украсть? Неужели воры совсем ослепли? Несмотря на такие мысли, он встревоженно, через силу, зашагал к дому.

Линь Чжоу-ши, увидев Старца Линь, в слезах и истерике рассказала о случившемся. Узнав, что их действительно обокрали, Старец Линь пришёл в ужас: в семье Линь никогда прежде не случалось подобного. Они жили небогато, с чего бы ворами было зариться на их дом?

— Скорее проверьте, не пропало ли ещё что-нибудь! — поспешно воскликнул Старец Линь.

Линь Ли-ши и Линь Чжи'эр, забыв о ссоре, бросились на кухню. Шкафы стояли открытыми, а в мешке для риса пустовало — не осталось ни единого зёрнышка.

Вероятно, из-за того, что приближалось время готовить ужин, Линь Чжоу-ши первой вошла на кухню и тут же в панике выбежала обратно:

— О небеса! Откуда только взялись такие воры! Унесли все наши запасы!

Их обокрали? А ведь это был запас зерна на полмесяца для всей семьи. Если всё пропало, что же им теперь есть? Женщины начали рыдать — проклятые воры, как они вообще вышли на дом семьи Линь?

Линь Пин и Линь Ань поспешно обежали остальные комнаты. К счастью, остальное имущество было на месте — это было хоть каким-то утешением. С появлением Старца Линя у Линь Чжоу-ши наконец-то появилась опора.

— Проклятый вор! Если поймаю, своими руками переломаю ему ноги, чтобы не смел больше красть наше зерно! — не унималась она.

К этому времени весть о случившемся уже разлетелась по деревне, и сельчане потянулись к дому Линь посмотреть на переполох. Семью Линь в деревне не особо жаловали, поэтому никто не спешил на помощь, люди лишь глазели по сторонам, в лучшем случае бросая пару дежурных фраз утешения.

Однако само известие о том, что в деревне объявился вор, встревожило всех. Это было нешуточное дело, и в итоге весть дошла до Старосты.

Увидев приближающегося Старосту, люди расступились, освобождая ему проход.

Старосту звали Сюй Гу, ему было за пятьдесят, и выглядел он весьма степенным и суровым человеком.

— Что случилось? Семья Линь, у вас снова какие-то неприятности? — спросил он.

В деревне уже привыкли к тому, что в доме семьи Линь чуть ли не каждый божий день стоит шум и гам, так что никто особо не удивился.

Старец Линь рассказал ему, что их зерно было украдено вором. Староста шагнул на кухню, осмотрелся там, а затем, выйдя наружу, поинтересовался:

— А у вас в доме разве никого не было? Или вы спрашивали соседей, не слышали ли они чего? Сначала нужно разузнать всё как следует.

Эти слова заставили членов семьи Линь встрепунуться. В доме ведь оставался паренек Хуань, он не мертв, значит, наверняка что-то знает. Получив напоминание, Линь Чжоу-ши вмиг подскочила на месте и быстрым шагом направилась к ветхой лачуге Линь Хуаня. С силой забарабанив в деревянную дверь, она закричала:

— Ты, дохляк проклятый! В дом вор забрался, а ты всё лежишь, словно труп? А ну вставай и открывай двери, не то я тебе устрою!

Окружающие при виде этого лишь покачали головами, тяжело вздыхая. Они уже знали, что с пареньком Хуанем приключилась беда. Глядя на то, как ведет себя Линь Чжоу-ши, никто бы и не сказал, что она мать. Если бы кто посторонний увидел эту сцену, не зная правды, наверняка усомнился бы, родной ли он сын семье Линь.

В доме было тихо, и Староста, не выдержав такого зрелища, выступил вперед. Он бросил на Линь Чжоу-ши суровый взгляд, заставив её отступить, и сам постучал в дверь:

— Паренек Хуань, это я, Староста. Открой, пожалуйста, нам нужно кое о чем тебя расспросить.

Как бы ни была дерзка Линь Чжоу-ши, перед Старостой она не посмела буйствовать и, досадливо отступив, принялась выжидать, мысленно пообещав себе, что позже непременно проучит этого щенка.

Вскоре изнутри послышалась возня, и дверь наконец приоткрылась. Увидев Линь Хуаня, Линь Чжоу-ши с яростным воплем бросилась вперед, намереваясь отвесить ему пару пощечин, но, к счастью, Староста успел её перехватить.

Лишь теперь люди смогли как следует разглядеть паренька Хуаня, который выглядел настолько тщедушным и хрупким, что казалось, будто порыв ветра мог сбить его с ног. Из-за полученных травм его лицо было бледным, как лист бумаги, голову кое-как перевязали обрывком старой ткани, а на руках и ногах, не прикрытых рукавами и штанинами, отчетливо проступали синяки и ссадины. Стало совершенно очевидно: мальчик снова был избит Линь Чжоу-ши до полусмерти. Все вокруг только вздыхали. Хотя им и было жаль паренька Хуаня, никто не решался выступить вперед — боялись, что выйдет лишь хуже: вместо помощи пареньку навлекут на себя неприятности. Линь Чжоу-ши была женщиной совершенно беспардонной и вздорной, так что с ней лучше было не связываться. Оставалось лишь сочувствовать пареньку Хуаню, оказавшемуся в столь незавидном положении.

Линь Хуань даже не взглянул на Линь Чжоу-ши. Опираясь на дверной косяк, он слабо улыбнулся:

— Дядюшка Староста, зачем вы пришли?

Староста искренне сочувствовал пареньку Хуаню. Раньше, когда Линь Чжоу-ши переходила все границы, он пытался говорить об этом со Старцем Линем. Тот исправно обещал разобраться, отчитывать жену, и несколько дней в доме действительно царил покой, но вскоре все возвращалось на круги своя, причем Линь Чжоу-ши начинала свирепствовать еще сильнее.

Видя такое, Староста больше не мог вмешиваться и решил закрывать на происходящее глаза. Как говорится, даже честному чиновнику трудно разобраться в семейных дрызгах. Если посторонние будут слишком активно лезть в этот клубок проблем семьи Линь, пареньку Хуаню достанется еще больше, и Старосту это грызло изнутри, поэтому со временем он просто

перестал вмешиваться.

— Сегодня после полудня вас обокрали, унесли все запасы муки и зерна, — мягко произнес Староста. — В доме ты был один. Слышал или видел что-нибудь?

Линь Хуань покачал головой и слабо ответил:

— Я получил травму головы, очнулся только в полдень, а после обеда все время лежал в бесспамятстве, не в силах даже встать. Поэтому я никого не видел и даже не знал, что нас обокрали.

— Врешь! Как ты мог не знать? Вор взломал замок — неужели ты не услышал такого шума? — не поверила ему Линь Чжоу-ши.

Линь Хуань посмотрел на нее без тени эмоций и усмехнулся:

— Вы хоть посмотрите, где я живу. К тому же, даже если бы я что-то услышал, что с того? Я сейчас такой слабый, что меня ветром сдует. Вы еще надеялись, что я брошусь в драку с вором?

Слова Линь Хуаня поставили всех в тупик. Не говоря уже о том, что покосившаяся лачуга, в которой он жил, находилась в стороне от главного двора семьи Линь, он был прав и в другом: что можно требовать от больного человека? Неужели он должен был остановить вора?

Староста прекрасно понимал положение Линь Хуаня и уже хотел было сказать слова утешения, но Линь Чжоу-ши не позволила:

— Ах ты, неблагодарная собака! Я же говорила, что ты предатель! Ты, проклятое отродье, только жрать и умеешь, а толку от тебя никакого! Даже дом убереечь не можешь. От собаки, которую я кормлю, больше пользы — она хотя бы дом охраняет, а ты на что годишься?

Линь Чжи'эр, стоявшая рядом, ехидно добавила:

— Третий брат, ну как же так? Как ты мог просто смотреть, как вор крадет вещи нашей семьи? Даже если ты болен, неужели и голос потерял? Неужели нельзя было закричать и позвать на помощь?

<http://bllate.org/book/20999/2135044>